

**ШПЕТ, ГУМБОЛЬДТ, КАНТ:
ФОРМЫ, ПОНЯТИЯ, СХЕМЫ.
ТЕРМИНЫ И КОНЦЕПЦИИ**

В. И. Молчанов¹

В статье анализируется интерпретация учения Вильгельма фон Гумбольдта о языке в работах Густава Шпета, а также позиция Шпета относительно влияния на Гумбольдта философии Канта. Акцент в исследовании сделан на терминологический анализ, основная предпосылка которого – различие слова, термина и понятия: одно и то же слово или сочетание слов может обозначать разные термины, а понятие есть термин в каждом определенном учении. Предметом критического анализа становится функция термина «внутренняя форма языка» у Гумбольдта и трансформация этого термина в «понятие внутренней формы», которое, по предположению Шпета, имело место в разные эпохи и у разных мыслителей – Платона, Плотина, Гёте, Гумбольдта и др. Рассматривается различие терминов, обозначенных одним и тем же словом «понятие», у Гумбольдта, Шпета и Канта. Анализируется позиция Шпета по вопросу о влиянии Канта на Гумбольдта, в частности в аспекте «схематизма чистых рассудочных понятий». Мнение Штейнтеля по этому вопросу позволяет поставить герменевтический вопрос о том, с каким Кантом имеет дело тот или иной исследователь в определенное время, например в начале XIX в. или в первой трети XXI в. Отмечается императивный характер некоторых высказываний Шпета, а также его характеристика влияния Канта на Гумбольдта как внушения. Рассматривается также шпетовская критика субъективизма, в ходе которой Шпет лишает субъективность творчества и оставляет за ней способность только передавать понятое и ошибаться. В заключение рассматривается методологическая позиция Шпета (вопрос о первенстве тождества или различия) и роль терминологии в его трудах. Полаганию тождества как исходного пункта

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6. Поступила в редакцию: 14.06.2024 г. doi: 10.5922/0207-6918-2024-3-3

**SHPET, HUMBOLDT, KANT:
FORMS, CONCEPTS, SCHEMES.
TERMS AND IDEAS**

V. I. Molchanov¹

The article examines the interpretation of the teaching of Wilhelm von Humboldt on language by Gustav Shpet together with Shpet's perception of the influence of Kant's philosophy on Humboldt. Special emphasis is laid on terminological analysis, the underlying thesis of this analysis being that words, terms and concepts are not the same thing: one and the same word or word combination can denote different terms, and the concept is a term in each particular doctrine. The object of critical analysis is the function of Humboldt's term "inner form of language" and the way this term was transformed, according to Shpet, into "the concept of inner form" over time by various thinkers – Plato, Plotinus, Goethe, Humboldt and others. The difference is analysed between the terms which Humboldt, Shpet and Kant denoted by the same word "concept". Shpet's position on the issue of Kant's influence on Humboldt is analysed, notably in terms of the "schematism of the pure concepts of understanding". Steinthal's opinion on this issue allows us to raise the hermeneutic question of what kind of Kant a particular researcher is dealing with at a particular time – from the beginning of the nineteenth century until our days. The author notes the peremptory character of some of Shpet's claims as well as his description of Kant's influence on Humboldt as suggestion. The author also considers Shpet's critique of subjectivism, which robs subjectivism of creativity and confines it to the capacity to convey what has been understood and to err. Finally, Shpet's methodology (the question of identity and difference) and the role of terminology in his own works is considered. The positing of identity as the starting point of method accords with Shpet's conviction that terms have meaning and

¹ Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation. Received: 14.06.2024. doi: 10.5922/0207-6918-2024-3-3

метода соответствует убеждению Шпета в наличии у терминов смысла и разъясняющей силы. Вопреки Шпету, именно различие становится исходным опытом и ключевым термином феноменологической и постфеноменологической философии.

Ключевые слова: Шпет, Кант, Гумбольдт, термин, слово, понятие, внутренняя форма, язык, схема, различие, субъективность, синтез, тождество

Полностью мы не охватываем мыслью то, что высказываем, и даже самые строгие мыслители обычно не делают этого, даже при самой точной аргументации.

Франц Brentano (Брентано, 2018, с. 22)

Язык как предмет исследования — лингвистического, антропологического, социологического и любого другого — также требует языка, на котором должны быть изложены результаты анализа. В этом смысле язык говорит нечто о себе, и не существует других, внеязыковых методов, благодаря которым результаты исследований, и не только языковедческих, могли бы послужить для дальнейшей работы исследователя, а также быть понятыми другими — коллегами или просто читателями. Из различных аспектов такой самоотнесенности языка нас интересуют прежде всего функция терминологии, способы введения терминов и различие слов, терминов и понятий в интерпретации Г. Г. Шпетом учения В. фон Гумбольдта о языке. Гумбольдт представляет результаты своих исследований, используя определенную терминологию, в частности термины «внутренняя форма языка» (*innere Sprachform*), «понятие» (*Begriff*), «категория», «форма» и «дух» (если дух вообще можно считать термином) и др. Шпет излагает и интерпретирует учение Гумбольдта о языке, используя те же термины и выдвигая на первый план термин «внутренняя форма». Вопрос заключается в том, каково различие между «внутренней формой» у Гумбольдта и «внутренней формой» у Шпета, «понятием» у Гумбольдта» и «понятием» у Шпета и Канта (вопрос о «духах» мы не рассматрива-

explanatory power. Contrary to Shpet, it is difference that is the initial experience and the key term in phenomenological and post-phenomenological philosophy.

Keywords: *Shpet, Kant, Humboldt, term, word, concept, inner form, language, scheme, difference, subjectivity, synthesis, identity*

We do not completely think what we say; the sharpest thinkers, too, tend not to do this, even in constructing the most precise proofs.

Franz Brentano (1929, p. 435)

Language as an object of investigation — linguistic, anthropological, sociological etc., — itself calls for a language in which the results of the investigation are presented. In that sense language says something about itself, such that there are no other extra-linguistic methods that enable the results of investigations to be used for further work and to be understood by others, colleagues and lay readers. Among the aspects of this self-reference of language we are particularly interested in the function of terminology, the methods of introducing terms and the meanings in which Shpet uses words, terms and concepts in interpreting Humboldt's teaching on language. Humboldt presents the results of his research through terminology, notably the terms "inner form of language" (*innere Sprachform*), "concept" (*Begriff*), "category", "form" and "spirit" (if spirit can be considered to be a term). Shpet renders and interprets Humboldt's doctrine on language using the same terms and giving prominence to the term "inner form". The question is what is the difference between "inner form" according to Humboldt and "inner form" according to Shpet, "concept" according to Humboldt and "concept" according to Shpet and Kant (I am not dealing with "spirit" in this article), i.e. terms expressed by the same words which

ем в этой статье) — терминами, выраженными одним и тем же словом (принимая во внимание традиционный перевод этих слов с немецкого на русский и обратно). В терминологическом ключе мы рассмотрим также противоречивую позицию Шпет в отношении влияния Канта на Гумбольдта, а также шпетовские интерпретации и оценки кантовского схематизма чистых рассудочных понятий. Мы коснемся целей, которые преследовал Шпет, обращаясь к учению Гумбольдта о языке, выбирая в качестве основного термина «внутреннюю форму» и превращая ее в основное «слово-понятие».

Основной предпосылкой нашего исследования является различие слова и термина, а также термина и понятия; одно и то же слово может служить в качестве различных терминов, в частности слово «понятие» может обозначать различные термины. Термин — это не понятие, но понятие — это термин, который, при сохранении слова, может быть различным в различных концепциях, например у Канта и Гегеля.

1. История и магия «внутренней формы»

Существует ли общая проблема внутренней формы, которая становилась предметом рассмотрения в разные эпохи и у разных мыслителей? Шпет пытается показать, что такая проблема существует, с помощью некоторого количества примеров. Как ни рассматривать эту попытку, здесь обнаруживается весьма ценный терминологический материал, который, однако, не обязывает превращать значения слов и термины разных эпох в одно, по выражению Шпета, «трудное понятие».

Само по себе словосочетание «внутренняя форма» указывает на нечто неуловимое. Попробуем применить его к разного вида «сущностям» (общее слово подобрать, как мы увидим, трудно). Что такое внутренняя форма предмета — скажем, стола или чернильницы, излюбленных предметов людей пишущих

are based on the traditional translation of these words from the German and English into Russian and *vice versa*. Terminology will be the focus of my analysis of Shpet's controversial position on Kant's influence on Humboldt as well as Shpet's interpretation and assessment of the Kantian schematism of pure concepts of understanding. I will touch upon the goals that Shpet pursued when turning to Humboldt's teaching on language, choosing "innere form" as the main term and turning it into the main "word-concept". The underlying thesis of my study is the difference between "word" and "term", as well as between "term" and "concept"; one and the same word may serve a variety of terms, e.g the word "concept" may mean different terms. A term is not a concept, but a concept is a term which, while retaining the word, can be different in different conceptual frameworks, e.g. in Kant and Hegel.

1. The History and Magic of "Inner Form"

Is there a general problem of inner form that has been the subject of consideration in different eras and by different thinkers? Shpet attempts to prove that such a problem exists, citing a number of examples. Whatever one may think about this attempt, it offers valuable terminological material, though we do not have to turn the meanings of words and terms in various epochs into what Shpet calls a "difficult concept".

The word combination "inner form" seems to point to something elusive. Let us try to apply it to various "entities". (Finding a common word is, as we shall see, a challenge.) For example, what is the inner form of a table or an inkpot — the favourite objects of writers (an inkpot being an umbrella term for all writing implements, including the computer)? What is

(чернильница как общее название письменных приборов, включая компьютеры)? Что такое внутренняя форма Word'a или PDF'a? Что такое внутренняя форма восприятия или воображения, словом (внутренним или внешним?) — переживания? Если заменить «внутреннюю форму» «структурой», то в структуре можно, по крайней мере, выделить ее элементы. Можно ли выделить элементы или, если угодно, моменты, у внутренней формы? Кант отмечает формы внешнего и внутреннего опыта — пространство и время. Как ни истолковывать кантовское «время» и его путь от формы чувственности к трансцендентальной схеме, все же у Канта время — это не внутренняя форма внутреннего опыта, но только его форма. Иначе нужно было бы доискиваться до внутренней формы времени. Кажется, что Гуссерль предложил найти таковую в его ретенциях и протенциях? Но тогда нужно было бы продолжить поиски внутренней формы ретенции и т. д.

Гумбольдт говорит о внутренней форме языка, утверждая, что язык — это энергия и творчество. Энергию (например, энергию Солнца) можно было бы назвать внутренней формой, но вряд ли можно говорить о внутренней форме энергии или творчества. Шпет называет свою книгу «Внутренняя форма слова», но не «внутренняя форма языка»². При этом «общий знаменатель» — термин «внутренняя форма» — играет исключительно важную роль в книге Шпета. Занимает ли этот термин такое важное место у самого Гумбольдта, вариациям на темы которого посвящена книга Шпета, и является ли это словосочетание у первого чем-то большим, чем термином? Параграф 21 основного произведения Гумбольдта «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» озаглавлен «Внутренняя форма языка». Однако кроме заглавия термин «внутренняя форма» в тексте параграфа не встречается. В следую-

the inner form of *Word* or *PDF*? What is the inner form of perception or imagination, in short, internal or external experience? If one replaces “inner form” with “structure”, in structure one can at least identify its elements. Can we single out elements or moments of inner form? Kant identifies the forms of external and internal experience as space and time. No matter how one interprets Kantian “time” and its path from a form of perception to a transcendental scheme, Kant’s time is not an inner form of inner experience, but just the form. Otherwise one would have to search for the inner form of time. Husserl seems to have suggested that inner form can be found in retention and protention. But then he should have continued the search for the inner form of retention etc.

Humboldt speaks about the inner form of language, maintaining that language is energy and creativity. Energy (for example, the energy of the sun) could be called inner form, but we can hardly talk about the inner form of energy or creativity. Shpet entitled his book *The Inner Form of the Word* but not “the inner form of language”.² However, the “common denominator”, the term “inner form”, plays a key role in Shpet’s book. Does this term play an equally important role for Humboldt who is the subject of Shpet’s book, and is the use of the word combination by the former something more than a term? Paragraph twelve of Humboldt’s main work, *The Diversity of Human Language-Structure and Its Influence on the Mental Development of Mankind*, entitled “Combination of Sound with Inner Linguistic Form”, is devoted to the inner laws of language, inner formation (*innere Gestaltung*) and, finally, the necessary synthesis of the outer and inner speech-form (Humboldt, 1988, pp. 88-89). In § 10 Humboldt writes about

² О функциях термина «слово» у Шпета см.: (Зинченко, Пружинин, Щедрина, 2010, с. 53–72).

² On the meanings with which Shpet invests the term “word” see Zinchenko, Pruzhinin and Shchedrina (2010, pp. 53-72).

щем параграфе, «Соединение звука с внутренней формой языка», речь идет о внутренних законах языка, о внутреннем формировании (*innere Gestaltung*) и, наконец, о необходимом синтезе внешней и внутренней языковой формы (Гумбольдт, 1984, с. 108). В § 20 Гумбольдт пишет о противопоставлении звуковой формы и формы внутренней в связи с различием языков, то есть в определенном контексте:

Из всего сказанного вытекает, что звуковая форма есть то, на чем главным образом основываются различия языков. Это заключается в самой природе звуковой формы, так как в действительности только материальные, действительно оформленные звуки составляют язык, и звук допускает значительно большее разнообразие различий, чем внутренняя форма языка, которая неизбежно несет в себе больше единообразия (Там же, с. 97).

Из этого следует по меньшей мере, что гумбольдтовская «внутренняя форма» все же не универсальна, а ее «более единообразный характер» указывает на некоторую неопределенность значения этого словосочетания. Примечательно, что слово «внутренний» служит у Гумбольдта определением многих «субстанций»: «внутренний организм» (*innerer Organismus*), «внутренняя судьба» (*inneres Geschick*), «внутренние понятия» (*inneren Begriffserzeugungen*), «внутренняя духовная сила» (*innere Geisteskraft*), «внутренние движения души» (*inneren Bewegungen des Gemüths*) — бывают ли «внешние» организмы, судьбы, движения души и т. д.? Кульминацией «внутреннего» у Гумбольдта стало нередкое в немецкой философии и литературе слово *Innerlichkeit*, которое в русском переводе передано как «субъективность» (см.: Там же, с. 104). В самом деле, трудно подобрать подходящее слово, не будем же мы переводить это слово как «внутренность». Очевидно, что в большинстве случаев слово «внутренний» приводит к плеоназмам. «Внутренняя форма» вводится Гумбольдтом как двойное противопоставление: материальной стороне языка (звуку) и внеш-

the contradistinction of the sound form and inner form in different languages, i.e. in a different context:

It thus becomes readily explicable why it is chiefly the sound-form which accounts for the *difference of languages*. This is inherent in its nature, since the physical, actually formed sound is in truth alone in constituting language, and sound also permits a much greater variety of differences than can occur with the inner speech form, which necessarily brings with it more likeness (*ibid.*, p. 77).

It follows from the above that Humboldt's "inner form" is not, after all, universal, so that the word "likeness" suggests a certain vagueness in this word combination. Tellingly, Humboldt uses the word "inner" attributively with regard to many "substances": "inner organism" (*innerer Organismus*), inner destiny (*inneres Geschick*), internal conceptualisations (*innere Begriffserzeugungen*), inner mental power (*innere Geisteskraft*), "inner stirrings of mind" (*innere Bewegungen des Gemüths*) — are there "external" organisms, destinies, "stirrings of mind" etc.? The culmination of "inner" in Humboldt is the word *Innerlichkeit*, rendered in Russian as *subjectivnost'* (*ibid.*, p. 85), or "subjective inwardness," which is common in German philosophy and literature. In most cases the word "inner" leads to pleonasm. Humboldt introduces the word "inner" first, in opposition to the material side of language, the sound; in second place, to external primarily grammatical forms of language. The word "inner" refers not to what is "inside" language, but to its non-material essence. Neither Max Schasler (1847), whose book Shpet mentions, nor Rudolf Haym (1856, p. 519) gives prominence to the term "inner form", nor is it used by Shpet to reformulate the main differences and the key problem in Humboldt's research:

ним формам языка, прежде всего грамматической. Слово «внутренний» указывает здесь не на то, что «внутри» языка, но на нематериальную его сущность. Ни в книге М. Шаслера (Schasler, 1847), которую упоминает Шпет, ни у Гайма (см.: Гайм, 1898, с. 428) термин «внутренняя форма» не выходит на передний план, не употребляется он и Шпетом при переформулировке основного различия и основной проблемы в исследованиях Гумбольдта:

Размышление над языком открывает нам два ясно отличающихся друг от друга принципа: *звуковая форма и употребление* (Gebrauch), которое она находит при обозначении предметов и связывании мыслей. Употребление звуковых форм основывается на тех требованиях, которые предъявляются к языку *мышлением*, из чего возникают *общие законы языка*. Эта часть, как в своем первоначальном направлении, так и в особенностях духовных склонностей и развития, у всех людей, как таких, одинакова. Напротив, звуковая форма является собственно конститутивным и руководящим принципом различия языков... (Шпет, 2007а, с. 332).

Очевидна неточность Шпета: Гумбольдт не утверждает, что «внутренняя форма», которую Шпет интерпретирует здесь как «требования, предъявляемые мышлением языку», одинакова у всех людей, и это неслучайно, ибо Шпет пытается представить то, что Гумбольдт называет внутренней формой, а иногда «внутренней идеей» и даже «лучезарной идеей», как логический принцип. В этом плане, и не только в этом, Шпет явно гегельянец, для которого мышление выявляет свои чистые формы в логике.

Разумеется, «внутренняя форма языка» — это термин гумбольдтовской философии языка, однако вряд ли сам Гумбольдт, о чем свидетельствует синонимия этого термина, придавал ему особое значение и тем более пытался распространить его за пределы учения о языке. Шпет, напротив, пытается выстроить историческую линию «понятия» внутренней формы — от Платона до Гумбольдта, объеди-

Reflection on language reveals two clearly different principles: *the sound form and its use* (Gebrauch) in denoting objects and connecting thoughts. The use of sound forms is based on the requirements set to language by *thought*, from which follow the *general laws of language*. That part, intrinsically and in terms of the mental tendency and development, is the same for all people. In contrast, the sound form is the constitutive and guiding principle underlying the difference of languages [...] (Shpet, 2007a, p. 332).

Shpet is obviously inaccurate here: Humboldt does not claim that “inner form”, which Shpet interprets as “requirements set to language by thought”, is the same for all people, and this is not accidental because Shpet tries to present what Humboldt calls inner form and sometimes “the inner idea” and even “the radiant idea” as a logical principle. In this respect, and not only in this, Shpet is clearly a Hegelian, for whom thinking reveals its pure forms in logic.

Of course, the “inner form of language” is a term from Humboldt’s philosophy of language, but it is unlikely that Humboldt himself, as evidenced by the synonymy of this term, attached any special significance to it, and even less so tried to extend it beyond the study of language. Shpet, on the contrary, tries to construct a historical line of the “concept” of inner form — from Plato to Humboldt — uniting “terminologically” such different thinkers as Plotinus, who overcomes, at least theoretically, sensuality, and Humboldt, who did not set himself such a task: “In the aesthetic of Plotinus [...] we find not only the concept but the very term ‘inner form.’ Plotinus raises the question similar to that with which Humboldt wrestled, namely, how does the bodily go along with what is not bodily?” (*ibid.*, p. 365).

Who, however, among philosophers and even non-philosophers, has not been or continues to be troubled by this question? Let us re-

няя «терминологически» таких разных мыслителей, как Плотин, преодолевающий, по крайней мере теоретически, чувственность, и Гумбольдт, который не ставил перед собой такой задачи: «В эстетике Плотина... мы встречаем не только понятие, но и самый термин “внутренняя форма”. Плотин ставит вопрос, близкий к тому, который затруднял Гумбольдта, — как телесное согласуется с тем, что не телесно?» (Там же, с. 365).

Кого, однако, из философов и даже не философов не затруднял и не продолжает затруднять этот вопрос? Вспомним хотя бы Декарта. Впрочем, между Плотиним и Гумбольдтом действительно можно найти нечто общее: гипертрофию «внутреннего», основа которой — резкое разделение внешнего и внутреннего, составляющее немалую опасность для культуры и общества. На такое различие как различие между различием и разделением, или отделением, практически не обращают внимания, хотя это ключевое различие анализа.

Шпет указывает на словосочетание в «эстетике Плотина»: «τὸ ἐνδον εἶδος, по переводу Фичино: *intrinseca forma*» (Там же), но неужели перевод с греческого на латинский должен послужить основанием формирования «понятия» внутренней формы на русском языке? В русских переводах Плотина это словосочетание передают как «внутренний эйдос», видимо еще и потому, что в этом же пассаже Плотин употребляет слово «форма» (μορφή).

После Плотина Шпет находит внутреннюю форму у Джордано Бруно, затем у Шэфтсбери и, наконец, у Гумбольдта и его интерпретаторов и критиков. Это одна, по Шпету, традиция «внутренней формы»; «другая гётеанская» (Там же, с. 363). Однако для Гёте, нападает (иначе не скажешь) Шпет, «понятие “внутренней формы” — случайно. И едва ли Гёте, терминологически — всегда наивный, не умеющий справиться с простыми философскими терминами, беспомощный перед всякой сколько-нибудь тонкой философской дистинкцией, едва ли он и мог бы уловить и оценить действительное

call at least Descartes. However, one can indeed find something in common between Plotinus and Humboldt: the hypertrophy of the “inner”, the basis of which is the sharp division of the outer and the inner, which constitutes a considerable danger for culture and society. Such a difference as the difference between difference and division, or separation, is practically ignored, although it is a key difference in analysis. Shpet points to the word combination τὸ ἐνδον εἶδος, *intrinseca forma* in Ficino’s translation (*ibid.*) in “the aesthetic of Plotinus”, but can a translation from Greek into Latin be grounds for the formation of the “concept” of inner form in Russian? In Russian translations of Plotinus this word combination is rendered as “inner eidos”, partly perhaps because Plotinus uses the word “form” (μορφή) in the same passage.

After Plotinus, Shpet finds inner form in Giordano Bruno, then in Shaftesbury and finally in Humboldt. This, according to Shpet, is one tradition of “inner form”, the other being “Goethean” (*ibid.*, p. 363). However, in Goethe Shpet attacks (there is no other way to put it), “the concept of ‘inner form’ as accidental. And it is unlikely that Goethe, who was always naive in terminology, unable to cope with simple philosophical terms, helpless before any subtle philosophical distinction, could hardly have grasped and appreciated the real meaning of such a difficult concept as the concept of inner form. Most likely, it was “only a metaphor for him” (*ibid.*, p. 364).³ In this remarkable character sketch of Goethe, one should highlight his “inability to cope with simple philosophical terms”. This rather points to the terminological naivety of Shpet, who believed, as follows from this, that terms exist almost in the airless space of the history of philosophy (Hegel apparently also believed this). It is of no small

³ Then follows an imperative statement: “The Goethean tradition in interpreting the term ‘inner form’ must be eliminated” (Shpet, 2007a, p. 407).

значение такого трудного понятия, как понятие внутренней формы. Скорее всего, оно было для него только метафорой...» (Там же, с. 364)³. В этой примечательной характеристике Гёте следует выделить «неумение справиться с простыми философскими терминами». Это указывает скорее на терминологическую наивность Шпетта, который полагал, как отсюда следует, что термины существуют почти что в безвоздушном пространстве истории философии (так полагал, видимо, и Гегель). Немаловажно, что Шпет легко переходит здесь от термина к понятию: сначала речь идет о простых терминах, затем о трудном понятии. «Это понятие, — заключает Шпет, — если не самый термин, присуще, быть может, всякому идеализму, в особенности немецкому, так называемому классическому идеализму, начиная с Шиллера...» (Там же). Относительно немецкого идеализма (в широком смысле) Шпет недалек от истины в том, что понятия здесь могут существовать и без терминов, если, конечно, не считать «понятие» термином. Вернее было бы сказать, что немецкому идеализму присущи «понятия» как некие сущности, которые сами для себя суть термины, сами себя обозначают и в этом смысле самодостаточны, нуждаясь только в других таких же независимых от терминологии понятиях.

Если отступить на один «понятийный» шаг назад от Шиллера, Гумбольдта и всех трех классиков немецкого идеализма, то мы вернемся, как это и положено, к Канту — их общему учителю, у которого термин «понятие» играет исключительно важную роль. Кант различает формы созерцания и понятия (но не всегда: пространство и время суть формы созерцаний и одновременно — понятия)⁴, а также эмпири-

³ Позже следует императив: «Гётеанская традиция в истолковании термина “внутренняя форма” должна быть изжита» (Шпет, 2007а, с. 407).

⁴ «Пространство не есть эмпирическое понятие» (А 23 / В 38; Кант, 2006а, с. 55; 2006б, с. 95); «Пространство не есть дискурсивное... понятие... но чистое созерцание» (А 24–25 / В 39; Кант, 2006а, с. 57; 2006б, с. 95). Само собой разумеется, что пространство у Канта и не чистое понятие рассудка, тем не менее параграфы 2 и 3 озаглавлены соответственно: «Мета-

importance that Shpet easily moves here from “term” to “concept”: first he talks about simple terms, then about a difficult concept. “This concept”, Shpet concludes, “if not the term itself, is perhaps inherent in all idealism, especially so-called German classical idealism, beginning with Schiller” (*ibid.*). With regard to German idealism (in the broad sense), Shpet is not far from the truth in that concepts here can exist without terms, unless, of course, one considers “concept” to be a term. It would be more correct to say that German idealism is characterised by “concepts” as certain entities that are terms in themselves and designate themselves; in this sense they are self-sufficient, needing only other such concepts independently of terminology. If we take one “conceptual” step back from Schiller, Humboldt and all three classics of German idealism, then we return, as is proper, to Kant, their common teacher, for whom the term “concept” plays an exceptionally important role. Kant distinguishes between forms of contemplation and concepts (but not always: space and time are forms of contemplation and at the same time concepts⁴), as well as empirical concepts (which for Hegel, as he himself noted, are nonsense) and pure concepts of understanding — pure syntheses, actions of the blind function of the soul. The point here again is not that the term “concept” can take on different meanings (this is the premise that dominates historical-philosophical research, including Shpet’s), but that the word “concept” can serve to designate different terms. The term “concept” in Kant is different from the

⁴ “Space is not an empirical concept” (*KrV*, A 23 / B 38; Kant, 1998, p. 157); “Space is not a discursive [...] concept [...] but a pure intuition” (*KrV*, A 24-25 / B 39; Kant, 1998, p. 158). Needless to say, Kant’s concept of space is not a pure concept of understanding, and yet §§ 2 and 3 are entitled respectively “Metaphysical Exposition of This Concept” (*KrV*, B 37; Kant, 1998, p. 137) and “Transcendental Exposition of the Concept of Space” (*KrV*, B 40; Kant, 1998, p. 176).

ческие понятия (каковые для Гегеля, как он сам отмечал, *nonsense*) и чистые рассудочные понятия — чистые синтезы, действия слепой функции души. Дело здесь опять-таки не в том, что термин «понятие» может принимать разные значения (такова предпосылка, господствующая в историко-философских исследованиях, в том числе у Шпета), но в том, что слово «понятие» может служить для обозначения разных терминов. Термин «понятие» у Канта иной, чем термин «понятие» у Гегеля, термин «понятие» у Гумбольдта иной, чем у Гегеля и Канта, и т. д.

О каких понятиях пишет Шпет? Он абсолютно прав в том, что «у Гумбольдта нет той устойчивости терминологии, с которой мы встречаемся у философски дисциплинированных умов» (Шпет, 2007а, с. 348). (Заметим, что примером такой неустойчивости был автор статьи «Философия как строгая наука».) Слово «понятие» у Гумбольдта, которое он не осознает в качестве термина, употребляется в разных значениях: он противопоставляет индивидуальные и родовые понятия, использует словосочетание «общие понятия», а также слово «понятие» в таких обычных и неопределенных сочетаниях, как «понятие чего-то», например «понятие движения» или «понятие качества». Однако встречается и специфическое употребление этого слова, которое относится как раз к его теории языка. Понятие отождествляется со значением: «Под словами следует понимать знаки отдельных понятий. Слог образует звуковое единство, но он становится словом только тогда, когда он сам по себе получает значение, для чего часто необходимо соединение нескольких слогов. Поэтому в слове всегда сходится двоякое единство — звука и понятия» (Гумбольдт, 1984, с. 90; перевод уточнен. — В. М.).

Шпет отмечает неопределенность «понятия» у Гумбольдта в этом месте: «Звуковое единство, по определению Гумбольдта, только

физическое разъяснение этого понятия» (В 37; Кант, 2006а, с. 93) и «Трансцендентальное разъяснение понятия о пространстве» (В 40; Кант, 2006а, с. 97).

term “concept” in Hegel, the term “concept” in Humboldt is different from that in Hegel and Kant etc.

What concepts does Shpet write about? He is absolutely right that “Humboldt lacks the stability of terminology that we find in philosophically disciplined minds” (Shpet, 2007a, p. 348). (It could be noted that the author of the article “Philosophy as a Rigorous Science” is an example of such instability). The word “concept” in Humboldt, which he does not recognise as a term, is used in different meanings: He contrasts individual and generic concepts, uses the phrase “general concepts”, as well as the word “concept” in such ordinary and vague combinations as “the concept of something”, for example, “the concept of movement” or “the concept of quality”. However, there is also a specific use of this word, which relates precisely to his theory of language. The concept is identified with the meaning: “By *words* we understand the signs of particular concepts. The syllable represents a unity of sound; but it becomes a word only if it acquires significance on its own, which often involves a combination of several. In the word, therefore, a dual unity, of *sound* and *concept*, comes together” (Humboldt, 1988, p. 70).

Shpet (2007a, p. 355) notes the vagueness of the “concept” in Humboldt in this place: “A sound unity, according to Humboldt’s definition, only becomes a word when it has some meaning, by which Humboldt very vaguely understands ‘concept’.” However, for Humboldt, the concept here is precisely a specific term denoting the selection of a specific meaning as a specific aspect in an object, and in this sense, for Humboldt, it is not words that form concepts, but the word that is formed from concepts. This view is unacceptable for Shpet. Besides, Humboldt (1988, p. 100) distinguishes between *concept* and *category* and speaks about categorisation of concepts, for example,

тогда становится словом, когда оно имеет какое-нибудь значение, под которым Гумбольдт весьма неопределенно понимает “понятие”» (Шпет, 2007а, с. 355). Однако у Гумбольдта как раз понятие здесь — это определенный термин, обозначающий выделение определенного значения как определенного аспекта в предмете, и в этом смысле у Гумбольдта не слова образуют понятия, но из понятий образуется слово. Такой взгляд на вещи для Шпета неприемлем. Кроме того, Гумбольдт различает *понятие* и *категорию* и говорит о категоризации понятий, в частности — различия: «К самому акту обозначения понятия добавляется еще особая работа духа, переводящая понятие в определенную категорию мышления или речи, и полный смысл слова определяется одновременно понятийным выражением и упомянутым модифицирующим обозначением» (Гумбольдт, 1984, с. 118). Если под полным смыслом слова понимать его контекстуальное значение, то можно предположить, что под категоризацией Гумбольдт имел в виду как раз встраивание понятия-значения в суждение и определенный контекст.

Одной из фактических и в то же время универсальных основ учения Гумбольдта является тот факт, что слово как общее имя может означать разное. Гумбольдт приводит пример с именем «слон», который Шпет повторяет дважды: «...в санскрите... слона называют то дважды пьющим, то двузубым, то одноруким... тремя словами обозначены три разных понятия» (Гумбольдт, 1984, с. 103). Ясно, что понятие здесь синоним значения. Вторая предпосылка (уже без ссылки на Гумбольдта) может быть сформулирована так: в процессе определенной языковой практики, например в области «слоноведения», мы вольны выбирать различные слова и выражения для построения того или иного контекста, мы можем переходить от слоноведения к верблюдоведению, а также к спору верблюда и лошади (у Маяковского), серьезное обсуждение трофических связей животных разбавлять ироническими замечаниями, мо-

difference: “For to the act of designating the *concept* itself there is allied also a special operation of the mind which transposes that concept into a particular *category* of thought or speech; and the word’s full meaning is the simultaneous outcome of that conceptual expression and this modifying hint.” If we understand the full meaning of a word as its contextual meaning, then we can assume that by categorisation Humboldt meant precisely the embedding of a concept-meaning into a judgment and a certain context.

One of the actual and universal foundations of Humboldt’s teaching is that one and the same name may denote various things. Humboldt cites an example of the name “elephant”, which Shpet repeats twice: “in Sanscrit [...] the elephant is now called the twice-drinking one, now the two-toothed one, and now the one equipped with a single hand, as many different concepts are thereby designated [...]” (*ibid.*, p. 84). Obviously, “concept” here is a synonym of meaning. The second premise (without reference to Humboldt) can be formulated as follows: in the process of a certain linguistic practice, for example in the field of “elephant studies”, we are free to choose different words and expressions to construct one or another context; we can move from elephant studies to camel studies, as well as to the dispute between a camel and a horse (in Mayakovsky). We can dilute a serious discussion of the trophic relationships of animals with ironic remarks and we can radically change topics etc. We are given complete freedom of linguistic actions. The only question is the source of this freedom: does the freedom to create contexts come from human subjectivity or does language itself contain something that serves as a condition for this freedom? Humboldt’s solution is balanced, in my non-linguistic opinion: the individual (individuality) does not create language, but implements it. Shpet (2007a, p. 362),

жем радикально менять темы и т. д. Нам дана полная свобода языковых действий. Вопрос только в источнике этой свободы: исходит ли свобода творчества контекстов из человеческой субъективности или же сам язык заключает в себе нечто, что служит условием этой свободы? У Гумбольдта решение сбалансировано, на мой лингвистический взгляд: индивид (индивидуальность) не творит язык, но реализует его.

Шпет, в отличие от Гумбольдта, уравнивает слово и понятие, вводя термин «слово-понятие»: «Внутренняя форма, как форма форм, есть закон не голого отвлеченного конципирования, а становления самого, полного жизни и смысла, слово-понятия, в его имманентной закономерности образования и диалектического развития» (Шпет, 2007а, с. 362). «Форма форм» отсылает при этом не столько к Аристотелю, сколько к Гуссерлю с его попыткой создать теорию всех теорий. Гумбольдтовская «внутренняя форма языка» претерпевает у Шпета метафизическое превращение; вместо одного из терминов Гумбольдта, хотя и основного, обозначающего внутренние свойства языка, его внутреннюю силу, его внутреннюю энергию, его синтезирующую сущность и т. д. (даже при том, что эти «силы» и «энергии» не потеряли еще своей метафизической окраски), Шпет конструирует «понятие внутренней формы» на все времена как некое формирующее формы начало. Вопрос в том, каков источник этой «формирующей силы»?

«Гумбольдт уверен, — пишет Шпет, — что источником внутренних форм языка является сам “говорящий”» (Шпет, 2005, с. 621). Однако тогда возникает опасность психологизма и субъективизма, полагает философ. Устойчивость форм обеспечивалась бы лишь психофизическим многообразием людей: «Но принципиально область форм оставалась бы областью индивидуального каприза» (Там же). Кант, отмечает Шпет, предостерегал от такого заключения, и здесь мы имеем тот редкий случай, когда Кант характеризуется в буквальном смысле

unlike Humboldt, equates word and concept, introducing the term “word-concept”: “The inner form as a form of forms is a law not of bare abstract conceptualisation, but of the emergence of the actual word-concept in its fullness of life and meaning, in its immanent regularity of formation and dialectical development.” “Form of forms” refers not so much to Aristotle as to Husserl with his attempt to create a theory of all theories. Humboldt’s “inner form of language” undergoes a metaphysical transformation in Shpet; instead of one of Humboldt’s terms, albeit the main one, denoting the internal properties of language, its internal power, its internal energy, its synthesising essence etc. (even though these “powers” and “energies” have not yet lost their metaphysical colouring), Shpet constructs the “concept of inner form” for all times as a kind of form-forming principle. The question is, what is the source of this forming power”?

“Humboldt is sure”, writes Shpet (2005, p. 621), “that the source of the inner forms of language is ‘the speaker’ himself”. However, then the danger of psychologism and subjectivism arises, the philosopher believes. The stability of forms would be ensured only by the psychophysical diversity of people: “But in principle the realm of forms would remain the realm of individual whim” (*ibid.*). Shpet recalls that Kant warned against such a conclusion, a rare case when he supports Kant without reservations. Humboldt’s “the people” or “the spirit of the people” as “the creator of forms” is not a Kantian but a romantic concept, Shpet continues, “nevertheless, it bears some of the characteristics of the Kantian subject, along with its defects” (*ibid.*). After a brief and rather unclear argument, Shpet comes to the conclusion that both Humboldt’s concept of the spirit of the people and the Kantian subject are characterised as “a closed and sealed vessel of forms” and “this destroys the creativity of forms and

позитивно. «Народ», или «дух народа», как «творец форм» у Гумбольдта — это не кантовское, но романтическое понятие, продолжает Шпет, «тем не менее оно носит некоторые признаки кантовского субъекта, а с тем вместе и его дефекты» (Там же). После краткой и весьма неясной аргументации Шпет приходит к выводу, что как понятие духа народа у Гумбольдта, так и кантовский субъект характеризуются как «закрытый и запечатанный сосуд форм» и «этим уничтожается творчество форм и отрицается их живой, динамический и подвижный характер» (Там же). Шпет полагает, что «основная ложь кантовского идеализма — в сенсуализме, в убеждении, будто содержание познания доставляется только чувственным материалом» (Шпет, 2007а, с. 238–239). Творчество форм — дело форм как таковых, и Шпет отдает себе отчет о том, что он исключает из творчества чувственный опыт. Поэтому он вынужден прибегнуть то ли к оправданию, то ли к окончательному прояснению своей позиции:

Разумеется, я этим не хочу сказать, что мыслит предмет, а не человек, но я настойчиво подчеркиваю, что человек мыслит о *предмете* и, следовательно, «интеллектуальная часть» языка, его внутренняя форма есть форма, в которой выступает в «разговоре» предмет со своим содержанием. «Человек» — только более или менее «честный» передатчик. Я допускаю полную его свободу в этой передаче до тех пор, пока он передает то, что видит. <...> Единственный случай чисто субъективного творчества в области внутренних форм я допускаю в тех высказываниях, которые носят название «бессмыслицы» или «абсурда», т.е. в случаях высказываний, нарушающих принцип противоречия. Они действительно *не предметны*... (Шпет, 2005, с. 621–622).

Таков итог критики «внутренней формы» субъективизма: субъективность имеет право на творчество только там, где в результате получаются «бессмыслица» и «абсурд», нарушающие принцип противоречия. Последнее, впро-

denies their living, dynamic and mobile character” (*ibid.*). Shpet (2007a, pp. 238-239) argues that “the main lie of Kantian idealism is sensualism, the conviction that the content of cognition is provided only by sensual material”. The creation of forms is a matter of forms as such, and Shpet is aware that he excludes sensual experience from creativity. Therefore, he is forced to resort either to justification or to a final clarification of his position:

Of course, I do not mean to say that it is the object (*predmet*) that thinks, and not the person, but I insistently emphasize that the person thinks about the object and, consequently, the “intellectual part” of language, its inner form, is the form in which the object with its content appears in “conversation.” The “person” is only a more or less “honest” transmitter. I allow him complete freedom in this transmission as long as he transmits what he sees. [...] The only case of purely subjective creativity in the realm of inner forms I allow is in those statements that are called “nonsense” or “absurd”, i.e. in cases of statements that violate the principle of contradiction. They are truly not objective [...] (Shpet, 2005, pp. 621-622).

This is the result of the criticism of the “inner form” of subjectivism: subjectivity has the right to creativity only where the result is “nonsense” and “absurdity” that violate the principle of contradiction. The latter, however, also requires clarification, because “colourless green ideas sleep furiously” and do not violate this principle. The method of studying subjectivity (it is not clear from here why it is needed), according to Shpet (2007a, p. 469), is possible only through objectifications: “The source from which we can draw knowledge of subjectivity as such lies in nothing other than the product of creation itself. We must find ways in which this subjectivity can be revealed in a precise and rigorous sense.”

Does subjectivity have the right to intentional existence at all, since now only objects are

чем, тоже требует уточнения, ибо «бесцветные зеленые бешено спящие идеи» не нарушают этот принцип. Метод изучения субъективности (неясно вообще отсюда, зачем он нужен), по Шпету, возможен только по объективации: «Источник, из которого мы можем почерпать знание субъективности, как такой, заключается ни в чем ином, как *в самом продукте творчества*. Нужно найти способы, которыми вскрывалась⁵ бы эта субъективность в точном и строгом смысле» (Шпет, 2007а, с. 469).

Имеет ли вообще субъективность право на интенциональное существование, ведь теперь «разговаривать» разрешается только предметам, а субъективности — только *честно* пересказывать. Но если *быть честным* — это решение субъективности, то она опять восстанавливается в своих конститутивных правах. Или же честность — свойство предметов, которые сами должны удалить из себя все иллюзорное?

2. Кант и Гумбольдт. Споры о влиянии

Интерпретации кантовской философии многочисленны, и ее оценки имеют обширную шкалу степеней от в целом позитивных до в целом негативных. Гумбольдт принадлежит к восторженным почитателям Канта:

Кант предпринял и осуществил величайшее свершение, которым философский разум мог быть обязан отдельному человеку. Он проверил и прояснил все философствование и повел его путем, на котором сошлись необходимым образом философские учения всех времен и народов; он измерил, ограничил и утрамбовал почву, разрушил все ложные построения и создал основу, на которой философский анализ соединился с природными чувствами человека (Briefwechsel..., 1830, S. 43–44; цит. по: Гулыга, 1984, с. 354).

⁵ «Вскрывать» — один из любимых глаголов Шпета, и лучше ему не превращаться в существительное.

allowed to “talk”, and subjectivity is only allowed to *honestly* retell. But if being honest is the decision of subjectivity, then it is again restored to its constitutive rights. Or is honesty a property of objects, which themselves must remove everything illusory from themselves?

2. Kant and Humboldt. Controversy over Influence

Interpretations of the Kantian philosophy vary over a wide spectrum, ranging from generally positive to generally negative assessments. Humboldt belongs to the ardent Kant fans:

Kant undertook and accomplished the greatest work that perhaps philosophising reason has ever owed to a single man. He examined and sifted through the entire philosophical process in a way that inevitably led him to a meeting with philosophers of all times and all nations; he measured, limited and levelled the ground, destroyed the false structures that had been built upon it, and, after completing this work, established the foundations in which philosophical analysis met with the natural human sense that had often been misled and stifled by earlier systems⁵ ([Schiller and Humboldt], 1830, pp. 43-44).

Such excessive praise can be transformed into a useful terminological generalisation: Kant collected in the Critiques practically the entire terminology of previous philosophy — or rather, he recognised it as terminology, and thus opened the era of the creation of terms.

⁵ Cf. “Kant unternahm und vollbrachte das größte Werk, das vielleicht je die philosophirende Vernunft einem einzelnen Manne zu danken gehabt hat. Er prüfte und sichtete das ganze philosophische Verfahren auf einem Wege, auf dem er nothwendig den Philosophien aller Zeiten und aller Nationen begegnen mußte, er maß, begränzte und ebnete den Boden desselben, zerstörte die darauf angelegten Truggebäude, und stellte, nach Vollendung dieser Arbeit, Grundlagen fest, in welchen die philosophische Analyse mit dem durch die früheren Systeme oft irregeleiteten und übertäubten natürlichen Menschensinne zusammentraf.”

Такое чрезмерное восхваление можно трансформировать в полезное терминологическое обобщение: Кант собрал в «Критиках» практически всю терминологию предшествующей философии — вернее, осознал ее как терминологию, и тем самым открыл эпоху созидания терминов.

С другой стороны, в конце XIX в. Ф. Брентано отнес Канта и Т. Рида к родоначальникам фазы крайнего упадка в новоевропейской философии. Критическую позицию по отношению к Канту занимал М. И. Каринский, работы которого Шпет хорошо знал. Сам Шпет относил философию Канта к «негативной», полезной только с точки зрения критики предшествующей философии. Разрабатывая «темы Гумбольдта», Шпет оказался в трудном положении: влияние Канта на Гумбольдта оспорить невозможно, и сам Шпет об этом пишет, но тогда возникает вопрос, каким образом негативная философия может оказывать позитивное влияние?

При оценке влияния Канта на Гумбольдта на первый план у Шпета сначала выходит заимствование терминологии:

Он пользуется преимущественно философской и психологической терминологией Канта, которую он вводит в свои работы не как готовые схемы распределения и обработки материала, — как то делали современные ему педантические кантианцы-лингвисты, — а скорее как эвристический прием, как вспомогательный опорный пункт, дающий ему возможность более или менее точно фиксированным термином запечатлеть собственную мысль. Отсюда — неизбежная модификация термина, способная поставить в тупик ортодоксального кантианца (Шпет, 2007а, с. 346).

Шпет не указывает, какие термины и каким образом подверглись модификации, и заключает рассуждение, воздав по заслугам «разным Кизеветтерам и подобным», противопоставлением духа Канта и буквы Канта:

On the other hand, at the end of the nineteenth century, Franz Brentano considered Kant and Thomas Reid to be the founders of the phase of extreme decline in modern European philosophy. A critical position towards Kant was taken by Mikhail I. Karinsky, whose works Shpet knew well. Shpet himself considered Kant's philosophy to be "negative", useful only from the point of view of criticism of previous philosophy.

In developing the "Humboldt themes", Shpet found himself in a difficult position: Kant's influence on Humboldt cannot be disputed, and Shpet himself writes about this, but then the question arises: How can negative philosophy have a positive influence?

In assessing Kant's influence on Humboldt, Shpet (2007a, p. 346) first focuses on the borrowing of terminology:

He uses predominantly the philosophical and psychological terminology of Kant, which he introduces into his works not as ready-made schemes for the distribution and processing of material, as did the pedantic Kantian linguists of his time, but rather as a heuristic device, as an auxiliary support point, giving him the opportunity to capture his own thought with a more or less precisely fixed term. Hence the inevitable modification of the term, capable of perplexing the orthodox Kantian.

Shpet does not indicate which terms were modified and how, and concludes his argument with a contrast between the spirit of Kant and the letter of Kant, "giving due to "Kiesewetters and others of his ilk":

Humboldt used Kant's terminology in moderation, and outside of this he accepted criticism and idealism [...] only in the sense of a general ideological direction. Kantianism lived for him not in Kant's words, but in their aesthetic and poetic refraction in the consciousness of Schiller, Goethe, the Romantics and Schelling.

Гумбольдт умеренно пользовался терминологией Канта, а вне этого принимал критицизм и идеализм... только в смысле общего идейного направления. Кантианство жило для него не в словах Канта, а в эстетически-поэтическом преломлении их в сознании Шиллера, Гёте, романтиков, Шеллинга. Чтобы правильно понять и оценить философские основания теорий Гумбольдта, нужно не выискивать в них кантианские элементы, а просто поставить его в ряд с такими современниками, как Фихте, братья Шлегели, Шиллер, Гёте, Шлейермахер, Шеллинг, Гегель (Там же, с. 346 – 347).

Примечательно, что в этом списке великих мыслителей и поэтов Германии отсутствует сам Кант, философию которого усердно изучал Шиллер и без трудов которого не были бы возможны ни Фихте, ни Шеллинг, ни Гегель. На этот всем известный (и самому Шпету, разумеется) факт следует обратить внимание, поскольку он противоречит устоявшемуся отдалению и отделению Канта от Гегеля (и марксизма) и Гегеля от Канта со стороны как правоверных кантианцев, так и гегельянцев (не говоря уже о марксистах)⁶. Первым, кто отделил Канта от последующей ему немецкой философии, был А. Шопенгауэр, который сделал это в пользу Канта, тогда как Шпет – в пользу Фихте и Гегеля. Более последовательными были все же критики Канта – Ф. Brentano и М. И. Каринский, усматривавшие в философии Канта источник всего последующего немецкого идеализма. Последовательным был и Гумбольдт, позитивно воспринимая кантовские концепции, которые не имели прямого отношения к языкознанию. Шпет, видимо, оказался неспособен принять тот факт, что теория познания могла оказать решающее влияние на учение о языке.

Опровергнуть то, что не нужно выискивать у Гумбольдта кантианские элементы, невозможно, потому что это не тезис, но импера-

In order to correctly understand and evaluate the philosophical foundations of Humboldt's theories, one must not seek out Kantian elements in them, but simply place him in a row with such contemporaries as Fichte, the Schlegel brothers, Schiller, Goethe, Schleiermacher, Schelling and Hegel (*ibid.*, pp. 346-347).

It is noteworthy that Kant himself, whose philosophy Schiller diligently studied and without whose works neither Fichte nor Schelling nor Hegel would have been possible, is absent from this list of great thinkers and poets of Germany. This fact, well-known to everyone (and to Shpet himself, of course), should be noted, since it contradicts the established distance and separation of Kant from Hegel (and Marxism) and Hegel from Kant on the part of both orthodox Kantians and Hegelians (not to mention Marxists).⁶ The first to separate Kant from the German philosophy that followed him was A. Schopenhauer, who did this in favour of Kant, while Shpet did so in favour of Fichte and Hegel. More consistent were Kant's critics, Brentano and Karinsky, who saw in Kant's philosophy the source of all subsequent German idealism. Humboldt was also consistent, positively perceiving Kant's concepts, which had no direct relation to linguistics. Shpet, apparently, was unable to accept the fact that the theory of knowledge could have a decisive influence on the study of language.

It is impossible to disprove the judgment that there is no need to seek out Kantian elements in Humboldt, because this is not a thesis, but an imperative. It is strange and surprising to receive such orders – not to research this or that – from a *researcher* of Humboldt's work. (Although Shpet often refers to his own works, and not the least important ones, as "remarks", "variations", "fantasies" (in the musical sense) and "fragments").

⁶ Попытка установить содержательную связь между Кантом и Марксом осуществлена в кн.: (Лежнев, 1900).

⁶ An attempt to establish a substantive link between Kant and Marx was undertaken in Lezhnev (1900).

тив. Все-таки странно и удивительно получать такие приказы — не исследовать то-то и то-то — от *исследователя* творчества Гумбольдта. (Хотя Шпет часто обозначает свои, причем не последние по важности, работы как «заметки», «вариации», «фантазии» (в музыкальном смысле), «фрагменты».)

В определенном смысле Шпет прав: доискиваться до кантовских элементов у Гумбольдта не нужно, потому что эти элементы давно уже выисканы — Гаймом, Штейнталем, Кассирером и др. Шпет прав, разумеется, в том, что Гумбольдт стоит в одном ряду с перечисленными им мыслителями и поэтами. Однако вряд ли следует преуменьшать роль Канта в создании общей культурной атмосферы Германии тех лет. Штейнталь, отдавая должное этой атмосфере, в которой только и могло быть создано учение Гумбольдта, все же прямо указывает на влияние «как кантовской критической философии, так и ее модификаций Шиллером и Фихте» (Steinthal, 1883a, S. 13). Штейнталь называет воззрения (Ansicht) Гумбольдта кантианизированным Спинозизмом (Kantisirter Spinozismus) (Ibid., S. 14), который сводится, по его мнению, к трем пунктам, которые я передаю в кратком виде: 1. «Тождество языка и человеческого духа»; 2. «Каждый язык имеет совершенно индивидуальную форму, в итоге каждый индивидуум обладает собственным языком»; 3. «С одной стороны, язык связывает индивидов друг с другом и с некой первичной силой (Urkraft); с другой — он есть индивидуализирующий принцип, который погружает эту первичную силу в действительность явлений и историческое развитие» (Ibid.).

Очевидно, что Штейнталь еще более усложняет и углубляет тему истоков воззрений Гумбольдта, когда указывает на вопросы, связанные с истолкованием Канта: «Трудности заключаются, с одной стороны, в сегодняшней ситуации толкований Канта, с другой — в том

In a way, Shpet is right: there is no need to look for Kantian elements in Humboldt because these elements have long been found by Haym, Steinthal, Cassirer and others. Shpet is right, of course, that Humboldt stands in the same line as the thinkers and poets he listed. However, one should hardly underestimate the role of Kant in creating the general cultural atmosphere of Germany in those years. Steinthal (1883a, p. 13), while giving due respect to this atmosphere, in which alone Humboldt's teaching could have been created, nevertheless directly points to the influence of "both Kant's critical philosophy and its modifications by Schiller and Fichte".⁷ Steinthal calls Humboldt's views (*Ansichten*) "Kantianised Spinozism (*Kantisirter Spinozismus*)" (ibid., p. 14), which in his opinion, can be reduced to three points which I render here in brief: 1. "The identity of language and the human spirit";⁸ 2. "Every language has an absolutely individual form as a result of which every individual has one's own language";⁹ 3. "On the one hand, language links individuals to one another and to some primary source (*Urkraft*); and on the other hand, it is an individualising principle which immerses this primary force in the reality of phenomena and historical development"¹⁰ (ibid.).

It is obvious that Steinthal (1883b, p. 230) further complicates and deepens the theme of the origins of Humboldt's views when he points to questions connected with the interpretation of Kant: "The difficulties lie, on the one hand, in the current situation of the interpretation of Kant, and on the other, in the fact that

⁷ "[...] sowohl Kants kritische Philosophie als die Modifikation derselben durch Schiller und Fichte."

⁸ "[...] die Identität der Sprache mit dem menschlichen Geiste."

⁹ "[...] jede Sprache eine ganz individuelle Form habe; schließlic hab jedes Individuum seine Sprache."

¹⁰ "[...] die Sprache ist einerseits das Band der Individuen, welches sie aneinander und an die unendliche Urkraft bindet; und sie ist andererseits das individualisierende Princip, welches die Urkraft in die Wirklichkeit der Erscheinungen und in die geschichtliche Entwicklung versenkt."

обстоятельстве, что Гумбольдт нигде явно не выражал свое отклонение от Канта или свое согласие» (Steinthal, 1883b, S. 230). Иначе говоря, с каким Кантом мы должны иметь дело — времен Гумбольдта, который, вероятно, как обоснованно предполагает Штейнталь, знал только второе издание «Критики чистого разума» и даже не слышал о различии двух изданий, или же с Кантом времен Штейнталья, неокантианцев, Шпета, Гуссерля, Хайдеггера и нашего времени? Этот труднейший герменевтический вопрос не может быть рассмотрен в рамках этой статьи.

Сам Шпет, вопреки своему императиву, указывает, хотя и не делает это отдельной темой, на кантианские элементы у Гумбольдта. Однако у Шпета влияние Канта на Гумбольдта характеризуется, и неоднократно, как внушение:

Можно предположить, что Гумбольдт пришел к этой идее (синтеза понятий и звука. — В. М.) под внушением Канта: мы имеем дело с языковыми категориями, которые конституируют конкретные смыслы, подобно тому как категории естествознания, по Канту, конституируют природу. Внушением же Канта можно объяснить тенденцию Гумбольдта придавать этим категориям лишь субъективно-предметное значение, а в связи с этим и то, что он толковал логическое в терминах «чистого» (не только от чувственности, но и от языкового выражения) мышления (Шпет, 2007а, с. 355—356).

Еще один пример кантовского «магнетизма»:

...надо признать, по-видимому, что для Гумбольдта здесь важна не столько «чувственность» сама по себе, сколько присущая ей «наглядность», как об этом можно судить по тому заявлению Гумбольдта, согласно которому, при достаточном отделении конкретного, мы в результате приходим к постоянным формам «экстенсии» и «интенсии», т.е. к наглядным формам пространства, времени и степени ощущения. Совершенно очевидно, что все

Humboldt nowhere clearly expressed his deviation from Kant or his agreement.”¹¹ In other words, which Kant should we be dealing with — are we referring to the time of Humboldt, who, as Steinthal rightly suggests, probably knew only the second edition of the *Critique of Pure Reason* and did not even hear about the difference between the two editions, or to the time of Steinthal, the Neo-Kantians, Shpet, Husserl, Heidegger and our own time? This most difficult hermeneutical question cannot be considered within the framework of this article. Shpet himself, contrary to his imperative, points out, although he does not make it a separate topic, the Kantian elements in Humboldt. However, Shpet (2007a, pp. 355-356) characterises Kant’s influence on Humboldt, and repeatedly, as a suggestion:

It can be assumed that Humboldt came to this idea (of the synthesis of concepts and sound — V. M.) under the suggestion of Kant: we are dealing with linguistic categories that constitute concrete meanings, just as the categories of natural science, according to Kant, constitute nature. Kant’s suggestion can explain Humboldt’s tendency to give these categories only a subjective-objective meaning, and in connection with this, the fact that he interpreted the logical in terms of “pure” thinking (pure not only in relation to sensuality, but also to linguistic expression).

Another example of Kant’s “magnetism”:

[...] It must be admitted, apparently, that for Humboldt what is important here is not so much the “sensuality” itself, as its inherent “visibility”, as can be judged from Humboldt’s statement, according to which, with sufficient separation of the concrete, we will eventually arrive at constant forms of “extension” and “intensity”, i.e. at visual forms of space, time and

¹¹ “Die Schwierigkeiten liegen einerseits in der heutigen Lage der Erklärung Kants und andererseits in dem Umstande, dass sich H. nirgends über seine Abweichungen von Kant oder seine Zustimmung ausdrücklich äußert.”

эти рассуждения Гумбольдта находятся под внушением кантовского учения о *схематизме чистых рассудочных понятий* (Там же, с. 362)⁷.

«Выискивание» кантианских элементов для Гайма, Штейнталя, Кассирера и др. — это нечто само собой разумеющееся при исследовании учения Гумбольдта в целом. У Шпетта позиция противоречивая: с одной стороны, он утверждает, что не нужно выискивать влияния Канта на Гумбольдта, с другой — сам указывает на такие влияния. Из всех элементов кантовского влияния на Гумбольдта наиболее важную роль играют кантовские концепции синтеза⁸ и учение о схематизме чистых рассудочных понятий, которое Шпет характеризует как «в некоторых отношениях замечательное». Однако, утверждает Шпет, «выполнение идеи у Канта — небрежно и странно узко (“схемы” — “схемы времени”). <...> Но сама идея и некоторые замечания к ней заслуживают внимания. Правильно развитая, она могла бы быть основанием *логики* как учения о слово-понятии (логосе) и отправным пунктом положительной диалектики» (Там же, с. 432–433). Шпет оценивает схематизм Канта явно по образцу Гегеля времени «Лекций по истории философии», на которые он дает ссылку: «Гегель считал учение о “схематизме” “одной из прекраснейших сторон Кантовой философии”, поскольку в нем ставится цель объединения абсолютных противоположностей чувственности и рассудка, но в то же время считал, что Кант не достиг цели. ...

⁷ «Под внушением» означает «под гипнозом», и здесь явно или неявно Кант демонизируется, что не является чем-то исключительным в русской философии и поэзии (А. Блок). Кант внушает нечто, что в общем-то ошибочно, но странным образом оказывает положительное влияние.

⁸ На это особое внимание обращает Кассирер: «Как для него (для Гумбольдта. — В. М.), так и для Канта понятие синтеза становится основным и ведущим. Так же и для него синтез — это не связь, которая осуществляется между готовыми и данными предметами, но он есть основное условие предметного полагания, полагания некоторого Нечто как предмета» (Cassirer, 2003, S. 122).

degree of sensation. It is quite obvious that all of these arguments of Humboldt are under the suggestion of Kant's doctrine of the *schematism of pure concepts of understanding* (*ibid.*, p. 362).¹²

“Searching for” Kantian elements for Haym, Steinthal, Cassirer and others is something self-evident when studying Humboldt's doctrine as a whole. Shpet's position is contradictory: on the one hand, he claims that there is no need to search for Kant's influence on Humboldt, on the other, he himself points to such influences. Of all the elements of Kant's influence on Humboldt the most important role is played by Kant's concepts of synthesis¹³ and the doctrine of the schematism of pure concepts of understanding, which Shpet characterises as “remarkable in some ways”. However, Shpet maintains that “Kant's implementation of the idea is careless and strangely narrow (‘schemes — schemes of time’). [...] But the idea itself and some comments on it deserve attention. Correctly developed, it could be the basis of *logic* as the doctrine of word-concept (logos) and the starting point of positive dialectics” (*ibid.*, pp. 432–433). Shpet evaluates Kant's schematism clearly on the model of Hegel at the time of the *Lectures on the History of Philosophy*, to which he gives a reference: “Hegel considered the teaching on ‘schematism’ to be ‘one of the splendid aspects of Kantian philosophy’ because it sets the goal of uniting the absolute opposites of sensibility and understanding, but at the same time he believed that Kant did not

¹² “Under suggestion” means “under hypnosis”, and here Kant is demonised, either explicitly or implicitly, which is not something exceptional in Russian philosophy and poetry (Alexander Blok). Thus Kant suggests something that is generally erroneous, but strangely has a positive effect.

¹³ Cassirer (2013, p. 118) draws attention to this: “For him (Humboldt — V. M.), as for Kant, the concept of *synthesis* becomes a genuine, central and motivating concept; synthesis is not a connection that takes place between ready and given objects, rather it is the basic condition of objective positing, of the positing of something *as an object*”.

рассудок и чувственность, каждое из них, сохраняют свою особенность, объединение осталось “внешним, поверхностным”. Hegel G. W.F. *Geschichte der Philosophie*. Bd. III. S. 516⁹» (Там же, с. 433, примеч.). Гегель забыл, видимо (а Шпет, по всей вероятности, не знал), о своей ранней работе, где он утверждал прямо противоположное (как истинный диалектик): «Кантовские формы созерцания и формы мышления вовсе не полагаются как особенные, изолированные друг от друга способности, как это обычно себе представляют» (Гегель, 2021, с. 24).

Один из шпетовских выводов из рассуждений о кантовском схематизме неоригинален с точки зрения большинства историков философии, включая позднего Гегеля: Кант не преодолевает дуализм чувственности и рассудка. Однако Гумбольдт, утверждает Шпет, делает это с помощью идеи внутренней языковой формы под влиянием Канта: идеи Гумбольдта «можно прямо принять как поправку теории глухонемого мышления на учение о мышлении словесном» (Шпет, 2007а, с. 435).

Шпет отмечал: «...в общем все же заимствую у Гумбольдта только термин, а смысл влагаю *свой*» (Там же, с. 232, примеч.). Очевидно, что Шпет заимствует не термин, но слово, и создает из него новый термин с новым смыслом, который он отчетливо выразил в «Эстетических фрагментах» (опять-таки — фрагментах): «Прицепляясь к гумбольдтовскому формальному определению, я называю логические формы *внутренними формами речи*. <...> Логические формы суть внутренние формы, как формы идеального смысла, выражаемого и сообщаемого...» (Шпет, 2007б, с. 224). Сближение внутреннего с логическим помогает внутренней форме проникать в любые области познания и действия. Об этом говорят такие часто встречающиеся у Шпета словосочетания, как «словесно-логические единицы», «словесно-логические алгоритмы», «словесно-логические структуры»,

achieve the goal: “[...] understanding and sensibility, each of them, retain their own particularity, the unity remains ‘external, superficial’. Hegel G.W.F. *Geschichte der Philosophie*. Bd. III. S. 516¹⁴” (*ibid.*, p. 433n). Hegel (1977, p. 70) apparently had forgotten (and Shpet probably did not know) his early work in which he made the opposite claim (as a true dialectician): “The Kantian forms of intuition and the forms of thought cannot be kept apart at all as the particular, isolated faculties which they are usually represented as.”

One of Shpet’s conclusions from the reasoning about Kant’s schematism is not original from the viewpoint of the majority of historians of philosophy, including the later Hegel: Kant does not overcome the dualism of sensibility and understanding. However, Humboldt, Shpet (2007a, p. 435) argues, does this with the help of the idea of inner language form under the influence of Kant: Humboldt’s ideas “can be directly accepted as a correction of the theory of deaf-mute thinking to verbal thinking”.

Shpet noted: “in general I borrow only Humboldt’s term but I put *my own* meaning into in (*ibid.*, p. 232n). It is obvious that Shpet (2007b, p. 224) borrows not the term but the word and creates from it a new term with a new meaning, which he clearly expressed in his *Aesthetic Fragments* (again, fragments): “Clinging to Humboldt’s formal definition, I call logical forms *inner forms* of speech. [...] Logical forms are inner forms, as forms of ideal meaning, expressed and communicated [...].” The rapprochement of the inner with the logical helps the inner form to penetrate into any areas of knowledge and action. This is indicated by such phrases, frequently encountered in Shpet, as “verbal-logical units”, “verbal-logical algorithms”, verbal-logical structures, “verbal-logical cultural consciousness” etc. Even mathematics has its inner form: “The mathematical algorithm

⁹ См.: (Гегель, 1994, с. 487).

¹⁴ See Hegel (1955, p. 441).

«словесно-логическое культурное сознание» и т. д. Даже математика имеет свою внутреннюю форму: «Математический алгоритм есть внутренняя логическая форма математического языка» (Шпет, 2007а, с. 418, примеч.).

Поэтические формы языка также оказываются производными от логических. Следуя Гумбольдту, Шпет проводит различие между «практическим языком общежития», привязанным к сообщениям и впечатлениям, и поэтическим языком — «новой стихией» с поэтической внутренней формой (см.: Там же, с. 440–441). «Язык напоминает искусство» — этот тезис Гумбольдта оказал на Шпета большое, если не решающее, влияние. Однако следует заметить, что это только сходство, ибо искусство (*tékhnē*) искусственно; искусство — это техника прекрасного, если еще не было такого определения, а язык — это естественно-социальное творчество, в котором соучаствуют большие и малые группы соответственно организуемых и организующих людей, устанавливающих правила общежития, в частности принуждения, также и с помощью языка искусства.

3. Тождество терминов или термин как различие?

В заключение мы рассмотрим вопрос о связи методологии и терминологии в плане определения статуса последней в связи с темами Гумбольдта и Канта у Шпета.

Цель Канта — «примирение и воссоединение чувственности и рассудка», полагает Шпет (Там же, с. 433). Слово «воссоединение» отсылает нас к их общему, согласно Канту, корню, и Шпет в своей манере упрекает Канта: «Вместо того чтобы рыть в глубину и отыскать скрытый от нас корень, Кант ищет средств, с помощью которых можно было бы связать стволы и кроны, и хотя бы этим добиться вожаделенного единства»¹⁰ (Там же, с. 432). Другое слово —

¹⁰ Шпет не стал углубляться в почву сам, полагая, что проблема единства может быть решена с помощью внутренней формы. Два года спустя (1929) Хайдеггер предпринял попытку доискаться до пресловутого корня, но дальше нового названия этого корня дело копания не двинулось.

is the inner logical form of the mathematical language” (Shpet, 2007a, p. 418n). The poetic forms of language also turn out to be derivatives from logical forms.

Following Humboldt, Shpet distinguishes between the “practical language of community life”, tied to messages and impressions, and poetic language, “a new element” with a poetic inner form (*ibid.*, pp. 438-439). “Language resembles art” — this thesis of Humboldt had a great, if not decisive, influence on Shpet. However, it should be noted that this is only a similarity, for art (*téchnē*) is artificial; art is the technique of beauty, if such a definition had not yet been proposed, and language is a natural social creation in which large and small groups of people, respectively organised and organising, participate, establishing rules of community life, in particular coercion, also with the help of the language of art.

3. Identity of Terms or the Term as Difference?

In conclusion, we will consider the issue of the relationship between methodology and terminology, defining the status of the latter in connection with the themes of Humboldt and Kant in Shpet.

Kant’s goal is “the reconciliation and reunification of sensuality and understanding”, Shpet believes (*ibid.*, p. 433). The word “reunification” refers us to their common root, according to Kant, and Shpet, in his own manner, reproaches Kant: “Instead of digging into the depths and finding the root hidden from us, Kant seeks means by which it would be possible to connect the trunks and crowns, and at least by this achieve the desired unity¹⁵ (*ibid.*,

¹⁵ Shpet chose not to dig deeper himself, believing that the problem of unity could be solved with the help of inner form. Two years later, in 1929, Heidegger made an attempt to dig down to the awkward root, but the digging did not go beyond giving the root a new name.

«примирение» — относится уже не к Канту, но к старому докантовскому спору сенсуализма и рационализма. Таким образом, два слова через запятую принадлежат к разным контекстам.

Шпет отмечает, что при осуществлении этой цели Кант вводит многочисленные термины: подведение, применение, монограмма, синтез и т.д. Само количество терминов побуждает Шпета сделать следующий вывод: «Одно обилие разъясняющих терминов, и в особенности смысла их, указывает на то, что Кант подошел к проблеме исключительной важности» (Там же, с. 433). Очевидно, однако, что количество терминов не может свидетельствовать о важности той или иной проблемы; иногда это свидетельствует об имитации проблем, хотя к Канту этот упрек неприменим. Другой вопрос, который здесь возникает, относится к смыслу терминов как таковых. Шпет называет термины пояснительными и разъяснительными; это означает, что он приписывает терминам имманентный смысл, с помощью которого можно что-то разъяснить, а не указывает на их значение как функций в рамках концепции, в данном случае — кантовской. Релевантным примером послужит трансформация кантовского термина «схема» в «идею схемы». «Идея схемы» тут же превращается в «понятие схемы» (см.: Там же, с. 433–434), при этом положительный смысл этого термина-понятия-идеи сводится у Шпета к переименованию схемы в «правило» (образования понятий) и «алгоритмы приемов».

С верой в присущий терминам смысл и их разъясняющую силу согласуется основная методологическая предпосылка рассуждений Шпета, который полагает, что Кант не только не разрешил проблему, но, более того, путь, которым он к ней пришел, дискредитирует ее. Верная постановка проблемы методологически должна быть такова: «Если есть какое-то единство, однородность, тождество, то их проблема должна быть первой, до всякого разделения, — что и было основной заботой послекантовского идеализма Шеллинга, Гегеля, и что, в сущ-

р. 432). The other word, “to reconcile” refers not to Kant, but to the old pre-Kantian dispute between sensualism and rationalism. Thus, the two words, separated by a comma, belong to different contexts.

Shpet observes that in pursuit of his goal Kant introduces numerous terms: subsumption, application, monogram, synthesis etc. The multiplicity of terms prompts Shpet to make the following conclusion: “The abundance of explanatory terms, and especially their meanings, indicates that Kant approached a problem of exceptional importance” (*ibid.*, p. 433). It is obvious, however, that the number of terms cannot testify to the importance of a particular problem; sometimes it testifies to the imitation of problems, although this reproach does not apply to Kant. Another question that arises here concerns the sense of the terms as such. Shpet calls the terms clarifying and explanatory; this means that he attributes to the terms the immanent sense with the help of which something can be explained, and does not indicate their significance as functions within the framework of a doctrine, in this case Kant’s. An example in point is the transformation of the Kantian term “scheme” into the “idea of scheme”. The “idea of scheme” immediately turns into “the concept of scheme” (*ibid.*, pp. 433-434), and then the positive sense of this term-concept-idea is reduced by Shpet to the renaming of the scheme into “rule” (of concept formation) and “algorithms of method”. The belief in the inherent meaning of terms and their explanatory power is consistent with the basic methodological premise of Shpet’s arguments, who believes that Kant not only did not solve the problem, but, moreover, the path by which he arrived at it discredits it. The correct formulation of the problem methodologically should be as follows: “If there is some unity, homogeneity or identity, then their problem should take first place, before any division, which was the main concern of the post-Kantian idealism of Schelling and Hegel, and

ности, составляет основное и естественное условие самой возможности диалектики. Провозглашение проблемы *после* утверждения некоторого принципиального различия — свидетельство некоторой ложности в самом различении. Оно закрывает от нас какую-то непосредственную и первичную полную данность...» (Там же, с. 433). «Тож(д)ество» и «полная данность» суть основные термины разных философов — Гегеля и Гуссерля, и Шпет склоняется все же к тождеству, а в различии и различении как начале видит ошибку. В этом отождествлении различия и ошибки можно все же увидеть двоякое: с одной стороны, Шпет оказывается вне дальнейших методологических путей философии XX в., где различие или различение маркирует как раз исходные пункты анализа: у Brentano — различие психических и физических феноменов, у Гуссерля — различие значения и знака, у Heideggera — онтологическое различие (бытия и существующего) и т. д. С другой стороны, Шпет подвергает критике не собственно различие, но разделение, не различая их, как и многие адепты «различений». В этом его критика справедлива, хотя разделение преодолевается не тождеством, но различием, основным признаком которого является различие переднего плана и фона. Любое различие, в том числе терминологическое, подразумевает различие различий. Функция термина — не разъяснять (свой смысл) и не разделять (например, чувственность и рассудок), но различать аспекты проблемы.

Исходя из тождества слова-понятия, а фактически — слова-понятия-термина, Шпет пытается развить свой социальный проект, «примиряя» индивидуальность и коллектив, субъект и объект в едином поле социальности, где даже звезды становятся социальными объектами. Рассмотрение этих вопросов не входит сейчас в нашу задачу, отметим только, что это исследование потребует тщательного терминологического анализа.

which, in essence, constitutes the basic and natural condition of the very possibility of dialectics. The declaration of a problem *after* the assertion of some fundamental distinction is evidence of some falsity in the distinction itself. It hides from us some immediate and primary full givenness [...]” (*ibid.*, p. 433). “Identity” and “full givenness” are the key terms of such different philosophers as Hegel and Husserl, and Shpet tends towards identity, he sees a mistake in difference and distinction as the beginning. In this identification of distinction and error, one can nevertheless see two things: On the one hand, Shpet finds himself outside the further methodological paths of twentieth century philosophy, where difference or distinction marks precisely the starting points of analysis: in Brentano — the difference between mental and physical phenomena, in Husserl — the difference between meaning and sign, in Heidegger — the ontological difference (between being and the existing) etc. On the other hand, Shpet criticises not the difference itself, but the division, without distinguishing between them, like many adherents of “differentiations”. In this his criticism is justified, although the division is overcome not by identity, but by differentiation, the main feature of which is the difference between the foreground and the background. Any difference, including the terminological one, implies difference of differences. The function of the term is not to explain (its meaning or sense) and not to separate (for example, sensibility and understanding), but to distinguish the aspects of the problem. Proceeding from the identity of word-concept and in effect of word-concept-term, Shpet tries to develop his social project “reconciling” the individual and the collective, the subject and object in the single field of sociality, where even the stars become social objects. These issues are beyond the scope of my analysis now, but I have to note that such research would call for a thorough terminological analysis.

Список литературы

Брентано Ф. Габилитационные тезисы // Брентано Ф. О будущем философии. Избранные труды / пер. Р.А. Громова. М. : Академический проект, 2018. С. 19–23.

Гайм Р. Вильгельм фон Гумбольдт. Описание его жизни и характеристика / пер. с нем. М. : К. Т. Солдатенков, 1898.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. СПб. : Наука, 1994. Кн. 3.

Гегель Г. В. Ф. Вера и знание, или Рефлексивная философия субъективности в полноте ее форм: философия Канта, Якоби и Фихте / пер. с нем. О. Ф. Иващук. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2021.

Гулыга А. В. Вильгельм фон Гумбольдт и немецкая философская классика // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги и А. В. Звегинцева. М. : Прогресс, 1984. С. 350–355.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги и А. В. Звегинцева. М. : Прогресс, 1984. С. 35–298.

Зинченко В. П., Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М. : РОССПЭН, 2010.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006а. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Критика чистого разума. 1-е изд. (А) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006б. Т. 2, ч. 2.

Лежнев М. Н. Маркс и Кант: (Критико-философская параллель). Николаев : П. Ковалев и Н. Осипович, 1900.

Шпет Г. Г. Язык и смысл // Шпет Г. Г. Мысль и слово. Избранные труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005. С. 470–668.

Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2007а. С. 323–501.

Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007б. С. 175–321.

Briefwechsel zwischen Schiller und Wilhelm von Humboldt. Mit einer Vorerinnerung über Schiller und den Gang seiner Geistesentwicklung von W. von Humboldt. Stuttgart ; Tübingen : J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1830.

References

Brentano, F., 2022. Habilitation Theses (1866). In: I. Tănăsescu, A. Bejinariu, et al., eds. 2022. *Brentano and the Positive Philosophy of Comte and Mill*. Berlin & Boston: de Gruyter, pp. 433-436.

Cassirer, E., 2013. The Kantian Elements in Wilhelm von Humboldt's Philosophy of Language (1923). In: E. Cassirer, 2013. *The Warburg Years (1919–1933). Essays on Language, Art, Myth, and Technology*. Translated and with an Introduction by S. G. Lofts with A. Calcagno. New Haven & London: Yale University Press, pp. 101-129.

Haym, R., 1856. *Wilhelm von Humboldt. Lebensbild und Charakteristik*. Berlin: Rudolph Gaertner.

Hegel, G. W. F., 1955. *Lectures on the History of Philosophy. Volume 3*. Translated by E.S. Haldane and F. H. Simson. London: Routledge & Kegan Paul, 1955.

Hegel, G. W. F., 1977. Faith and Knowledge or the Reflective Philosophy of Subjectivity in the Complete Range of its Forms as Kantian, Jacobian, and Fichtean Philosophy. In: G. W. F. Hegel, 1977. *Faith & Knowledge*. Translated by W. Cerf and H. S. Harris. Albany: State University of New York Press, pp. 54-192.

Humboldt, W. von, 1988. *On Language. The Diversity of Human Language-Structure and its Influence on the Mental Development of Mankind*. Translated by P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 15-288.

Lezhnev, M. N., 1900. *Marks i Kant: (Kritiko-filosofskaja parallel')* [Marx and Kant: A Critical and Philosophical Parallel]. Nikolaev: P. Kovalev i N. Osipovich. (In Rus.)

Schasler, M., 1847. *Die Elemente der philosophischen Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldt's*. Berlin: Verlag der Trautwein'schen Buch- und Musicalienhandlung.

[Schiller, F. and Humboldt, W. von], 1830. *Briefwechsel zwischen Schiller und Wilhelm von Humboldt. Mit einer Vorerinnerung über Schiller und den Gang seiner Geistesentwicklung von W. von Humboldt*. Stuttgart & Tübingen: J. G. Cotta'schen Buchhandlung.

Shpet, G. G., 2005. Language and Meaning. In: G. G. Shpet, 2005. *Mysl' i slovo. Izbrannye trudy* [Thought and Word. Selected Works]. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: Rossiiskaja Politicheskaja Enciklopedija (ROSSPEN), pp. 470-668. (In Rus.)

Shpet, G. G., 2007а. The Inner Form of the Word. In: G. G. Shpet, 2007а. *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury* [Art as a Kind of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture]. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: Rossiiskaja Politicheskaja Enciklopedija (ROSSPEN), pp. 323-501. (In Rus.)

Cassirer E. Die Kantischen Elemente in Wilhelm von Humboldts Sprachphilosophie (1923) // Gesammelte Werke. Hamburger Ausgabe / hrsg. von B. Recki. Hamburg : Felix Meiner, 2003. Bd. 16 : Aufsätze und kleine Schriften (1922–1926) / Text und Anm. bearb. von J. Clemens. S. 105–133.

Schasler M. Die Elemente der philosophischen Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldt's. Berlin : Verlag der Trautwein'schen Buch- und Musicalienhandlung, 1847.

Steinthal H. Allgemeine Einleitung in Humboldts sprachphilosophische Arbeiten // Die sprachphilosophischen Werke Wilhelm's von Humboldt. Hälfte 1 / hrsg. und erklärt von Dr. H. Steinthal. Berlin : F. Dümmler, 1883a. S. 13–21.

Steinthal H. Einleitung des Herausgebers zu § 6 „Zusammenwirken der Individuen und Nationen“. Humboldts Verhältnis zu Kant // Die sprachphilosophischen Werke Wilhelm's von Humboldt. Hälfte 1 / hrsg. und erklärt von Dr. H. Steinthal. Berlin : F. Dümmler, 1883b. S. 230–242.

Об авторе

Виктор Игоревич Молчанов, доктор философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: victor.molchanov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1560-8698>

Для цитирования:

Молчанов В.И. Шпет, Гумбольдт, Кант: формы, понятия, схемы. Термины и концепции // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 3. С. 23–46. doi: 10.5922/0207-6918-2024-3-3

© Молчанов В. И., 2024.

Shpet, G.G., 2007b. Aesthetic Fragments. In: G. G. Shpet, 2007b. *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury* [Art as a Kind of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture]. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 175-321. (In Rus.)

Steinthal, H., 1883a. Allgemeine Einleitung in Humboldts sprachphilosophische Arbeiten. In: H. Steinthal, ed. 1883. *Die sprachphilosophischen Werke Wilhelm's von Humboldt. Hälfte 1*. Berlin: F. Dümmler, pp. 13-21.

Steinthal, H., 1883b. Einleitung des Herausgebers zu § 6 „Zusammenwirken der Individuen und Nationen“. Humboldts Verhältnis zu Kant. In: H. Steinthal, ed. 1883. *Die sprachphilosophischen Werke Wilhelm's von Humboldt. Hälfte 1*. Berlin: F. Dümmler, pp. 230-242.

Zinchenko, V.P., Pruzhinin, B.I. and Shchedrina, T.G., 2010. *Istoki kul'turno-istoricheskoi psikhologii: filosofsko-gumanitarnyi kontekst* [The Origins of Cultural and Historical Psychology in the Context of Philosophy and Humanities]. Moscow: Rossiiskaja Politicheskaja Enciklopedija (ROSSPEN). (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author:

Prof. Dr Victor I. Molchanov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: victor.molchanov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1560-8698>

To cite this article:

Molchanov, V.I., 2024. Shpet, Humboldt, Kant: Forms, Concepts, Schemes. Terms and Ideas. *Kantian Journal*, 43(3), pp. 23-46.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-3-3>

© Molchanov V. I., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))